

Содержание

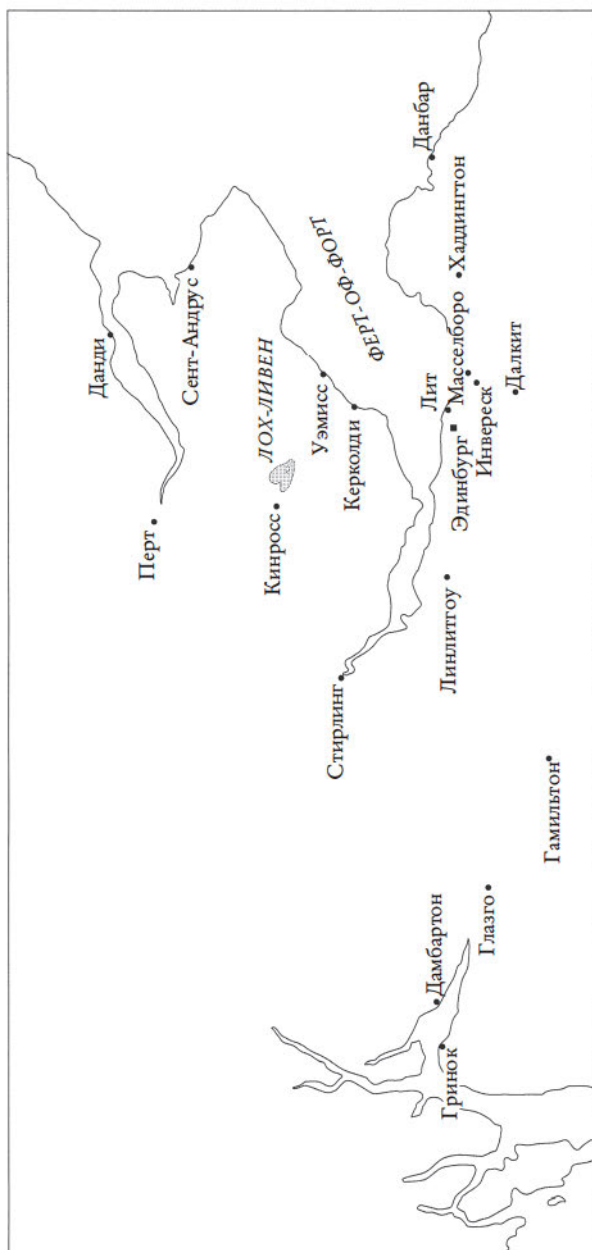
Пролог	13
1. Первый год	26
2. «Грубые ухаживания»	45
3. Прибытие во Францию	63
4. Юность	79
5. Образование	96
6. Династический брак	115
7. Обманутая королева	134
8. Возвращение в Шотландию	154
9. В лабиринте	173
10. Встреча сестер	192
11. Поиски мужа	217
12. «Мое сердце принадлежит мне»	235
13. Удобный брак	255
14. Появление Босуэлла	276
15. Брак в опасности	294
16. Первое убийство	311
17. Примирение	328
18. Заговор и контраговор	349
19. Второе убийство	368
20. Брак по любви?	388
21. Развязка в Шотландии	413
22. Версия Марии	434

23. Версия Босуэлла	458
24. Версия лордов	475
25. Письма из ларца I	489
26. Письма из ларца II	514
27. Королева в неволе	536
28. Топор или закон?	563
29. Немезида	586
30. Последние часы	608
Эпилог	614
Хронология	630
Примечания и ссылки	636
Библиография	671
Благодарности	687
Джон Гай. <i>Биографический очерк</i>	690
О работе над этой книгой	694
Иллюстрации	699

Шотландия в XVI в.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ШОТЛАНДИЯ В XVI в.

ФРАНЦИЯ В ПРАВЛЕНИЕ ГЕНРИХА II (ГЛАВНЫЕ МЕСТА, СВЯЗАННЫЕ С МАРИЕЙ СТЮАРТ)

Пролог

В среду 8 февраля 1587 г., около восьми утра, когда уже достаточно рассвело и можно было обойтись без свечей, сэр Томас Эндрюс, шериф графства Нортгемптоншир, постучал в дверь одной из комнат замка Фотерингей, приблизительно в 75 милях от Лондона. Сегодня на этом месте остались только заросший сорняками земляной вал внутреннего двора и насыпь на месте сторожевой башни в нескольких сотнях ярдов от деревни, расположенной на берегу реки Нин, по-прежнему несущей к морю свои воды.

А в XVI столетии на этом месте кипела жизнь. Тогда Фотерингей был королевским замком. Здесь в 1452 г. родился Ричард III, а Генрих VII, который убил Ричарда в битве при Босуорте, преподнес это поместье в качестве свадебного подарка своей жене Елизавете Йоркской, и следующий король — Генрих VIII — пожаловал замок своей первой супруге, Екатерине Арагонской, которая перестроила и обновила поместье. В 1558 г. эти земли достались Елизавете I, унаследовавшей трон после смерти своей старшей сестры Марии Тюдор.

Несмотря на королевский статус, никто в замке Фотерингей, да и на всех Британских островах, не был готов к тому, что должно было произойти. Томас Эндрюс сопровождал в тот день

двух высших представителей английской знати, Джорджа Толбота, графа Шрусбери, и Генри Грея, графа Кента. Дверь, в которую он постучал, вела в личные апартаменты Марии, королевы Шотландии и вдовствующей королевы Франции, которая почти девятнадцать лет провела в Англии как пленница Елизаветы.

В комнате коленопреклоненная Мария молилась вместе со своими слугами. Эндрюс сообщил, что пора идти, и она, взглянув на него, ответила, что готова. Мария поднялась с колен, и по обе стороны от нее встали ее камеристки.

Ей было всего сорок четыре года. Рожденная и воспитанная для того, чтобы править, Мария решительно шагнула из комнаты, словно направлялась на дворцовый бал. Ростом почти шесть футов (около 178 см), она всегда держалась с королевским достоинством. С самого ее детства, еще во Франции, все восхищались красотой и статью Марии. Чаще всего при описании ее красоты говорили «очаровательная» и «совершенная». Современники отмечали не только ее физическую красоту — правильные черта лица, удлиненную шею, тонкую талию, но и ее душевные качества — сердечность и способность мгновенно находить общий язык с каждым. Живая и очень подвижная, она могла быть безудержно щедрой и дружелюбной. Благодаря своему острому как бритва уму, умению вести беседу, общительности, обаятельности она могла быть чрезвычайно доброжелательной, и иногда даже позволяла себе фамильярничать, но лишь до тех пор, пока уважалось ее «величие». Многие современники отмечали ее почти сверхъестественную способность создавать впечатление, что ей важно только мнение того человека, с которым она в данный момент беседует.

Но, находясь в длительном заточении, от бездеятельности и отсутствия физической активности она очень быстро постарела, и сильно огорчалась оттого, что ее красота так быстро увяла. Черты лица стали грубее, плечи опустились, спина сгорбилась. Лицо, некогда славившееся нежной и гладкой, как мрамор, белой кожей, обрюзгло; появился второй подбородок. Но заточение не смогло полностью изменить ее, светло-карие глаза остались такими же живыми, а локоны рыжих волос по-прежнему блестели.

Мария не спала почти всю ночь. Она тщательно готовилась к грандиозному спектаклю, ее величайшему триумфу, в котором важна была каждая мелочь.

Тон задавала одежда. На первый взгляд казалось, что Мария была одета во все черное, если не считать белого льняного покрывала. Украшенное тонким кружевом, оно по французской моде ниспадало с волос на плечи, а затем до самого пола. Покрывало крепилось к маленькому батистовому чепцу белого цвета, также обшитому кружевом, который едва касался лба, а из-под него во все стороны выбивались локоны. Платье из плотного черного шелка спускалось почти до пола и заканчивалось шлейфом. Оно было украшено золотой вышивкой и собольим мехом, а пуговицы в виде желудей были изготовлены из черного янтаря в обрамлении жемчуга.

Присмотревшись внимательнее, можно было разглядеть корсет из алого бархата и одну из нижних юбок из украшенного вышивкой черного шелка, которые выглядывали сквозь модные разрезы на платье. Само платье украшали длинные, богато расшитые рукава с разрезами в итальянском стиле, под которыми были видны внутренние обтягивающие рукава из темно-красного бархата, а на ногах туфельки из тончайшей испанской замши. Впоследствии выяснилось, что на ней были небесно-голубые чулки, расшитые серебряной нитью, с зелеными шелковыми подвязками поверх мягких белых чулок, которые надевались, чтобы защитить кожу от трения.

В одной руке Мария держала распятие из слоновой кости, в другой — молитвенник на латыни. Ее тонкая талия перетянута поясом, с которого свисают четки с золотым крестом, а на шее серебряная или золотая цепь с медальоном с изображением Христа в образе «Агнца Божьего».

Мария в сопровождении Эндрюса впереди и графов позади прошла по длинному коридору в просторное помещение, где ее ждали домочадцы, чтобы отдать дань уважения и попрощаться. Свидетель (возможно, граф Кент) писал в то время, что она призвала слуг бояться Бога и жить в смирении. После она обняла всех женщин и подала руку для поцелуя мужчинам. Мария попросила слуг не скорбеть, а «радоваться и молиться за

нее». Один из них впоследствии вспоминал, что она не выказывала никакого страха и даже улыбалась.

Затем Мария спустилась по лестнице в большой зал на первом этаже. Из-за распухших от ревматизма ног ей пришлось опереться на руки двух солдат. Когда процессия добралась до вестибюля перед залом, там ее ждал Эндрю Мелвилл, стюард Марии, который преклонил колени и, сдерживая слезы, воскликнул: «Мадам, это будет самое печальное известие, которое мне когда-либо приходилось сообщать, — о кончине моей королевы и госпожи».

«Ты должен радоваться, а не плакать, потому что наконец несчастья Марии Стюарт подошли к концу, — со слезами ответила она. — Передай это послание и скажи моим друзьям, что я умерла с верой в душе, оставшись истинной дочерью Шотландии и истинной дочерью Франции».

Затем она снова взяла себя в руки, и ее настроение внезапно переменялось. Она оглянулась и объявила, что у нее «неподобающее сопровождение», потребовав «уважать в ней женщину» и разрешить, чтобы ее сопровождали камеристки. Оба сопровождающих испугались, что она устроит еще больший скандал и ее придется тащить силой.

Шрусбери стал оправдываться, что они просто выполняют приказ. Услышав эти слова, Мария возмутилась: «Даже людям менее знатным не отказывали в таких скромных милостях».

«Мадам, — ответил Кент, — это невозможно, из опасений, что некоторые из них своими речами будут беспокоить и устраивать Вашу милость и приводить в волнение общество... или захотят омочить носовые платки в Вашей крови, нарушая порядок».

«Милорд, — ответила Мария, — словом моим ручаюсь, что они этого делать не станут. — Потом, не удержавшись, прибавила: — Вам известно, что во мне течет кровь Генриха VII, что я вдовствующая королева Франции и венчанная королева Шотландии».

Графы тихим шепотом посовещались и уступили Марии, умевшей настоять на своем. Двум ее любимым фрейлинам, Джейн Кеннеди и Элизабет Керл, и четырем мужчинам, в том

числе Мелвиллу, позволили присоединиться к процессии. «*Allons donc*, — с улыбкой сказала Мария. — А теперь идемте». Она говорила по-французски, как на своем родном средне-шотландском языке, а английский выучила с трудом только во время длительного заточения.

Теперь, когда вся свита была в сборе, Мария решительным шагом направилась в большой зал; шлейф платья поддерживал Мелвилл. Это был по-настоящему торжественный выход королевы, как и задумывалось; она прошла перед сотней зрителей к центру зала, где за два дня спешно сколотили деревянный помост, рядом с очагом, в котором пылала огромная груда поленьев. Поднявшись по двум ступенькам на помост, Мария села на низкую скамеечку, которую для нее приготовили; справа от нее расположились графы, слева — шериф.

Разумеется, никакого трона здесь не было. Помост представлял собой квадратный эшафот высотой два фута и стороной 12 футов, обитый черным холстом, который по бокам свисал до пола, скрывая под собой грубую конструкцию. Ограждение высотой 12 дюймов установили только с трех сторон, а четвертая, обращенная к зрителям, оставалась открытой. Рядом с плахой, тоже задрапированной черной тканью, лежала подушка, на которую Мария должна была преклонить колена.

На помосте уже ждали два человека в масках — «Бык», палач лондонского Тауэра, и его помощник. На них были длинные черные плащи и белые фартуки; рядом стоял топор, небрежно прислоненный к ограждению. Из глубины зала на помост, окруженный солдатами, смотрели рыцари и дворяне Нортгемптоншира и соседних графств; высота эшафота была рассчитана таким образом, чтобы всем было видно. Во дворе замка перед главным входом в большой зал собралась толпа из тысячи человек, ждавшая новостей.

Шериф призвал к тишине, после чего Роберт Бил, секретарь Тайного совета королевы, которому было поручено доставить распоряжение о казни в Фотерингей, огласил приговор. Пока он читал королевский указ — на это потребовалось около десяти минут, — Мария оставалась абсолютно неподвижной. По словам Роберта Уингфилда из Аптона из графства Норт-

гемптоншир, который стоял в десяти ярдах от нее, она не выказывала никаких эмоций, слушала «невнимательно, как будто это ее не касалось, с радостным выражением лица, словно это было помилование». Однако ее выдержка подверглась жестокому испытанию, когда по сигналу графа Шрусбери вперед выступил Ричард Флетчер, декан Питерборо и один из любимых проповедников Елизаветы.

Флетчер — отец драматурга Джона Флетчера, соавтора Шекспира в «Генрихе VIII», — должен был прочесть «наставление» Марии, в котором осуждалась ее приверженность католицизму и предательство веры. Затем он прочел молитвы, которые должны были повторять все присутствующие. Он был одним из штатных священников Елизаветы и был известен своей «привлекательной внешностью» и «угодливыми речами». Однако его «наставление» произвело противоположный эффект; проповедь, которую он попытался прочесть — а это была именно проповедь, — стала величайшей *faux pas*¹ в его карьере. От волнения он начал заикаться. «Мадам, — произнес он, — Ее Величество королева.. Мадам, Ее Величество королева..» Три раза он останавливался и начинал снова, но на четвертый раз Мария прервала его. Ясным, недрогнувшим голосом она сказала: «Господин декан, я не желаю Вас слушать. Вам нет дела до меня, а мне — до Вас».

Сконфузившись, Флетчер возразил: «Я не говорю ничего, в чем не поклялся бы перед всемогущим Господом». Поначалу он не желал ей уступать, убежденный в том, что Бог не покинет истинно верующих, подаст им весть через ангелов. Если Марию приговорили к смерти, это промысел Божий, и проповедник отвечает за свою проповедь только перед Богом.

Услышав эти слова, Мария с уверенностью, как это всегда происходило с ней во время спора, ответила: «Я тверда в своей древней римско-католической вере и готова пролить кровь за нее».

«Мадам, — опрометчиво ответил Флетчер, — перемените решение, отрекитесь от прежних заблуждений и перенесите

¹ Ошибка (*фр.*).

все упования только на Иисуса Христа, дабы Он даровал Вам спасение». Разговаривать с королевой в таком тоне было непозволительно. Залившись румянцем, Мария приказала ему замолчать. Повисла неловкая пауза, и графы уступили. Флетчеру было приказано пропустить проповедь, но он в припадке ярости настоял, чтобы ее переписали из его заметок в отчет о событиях этого дня.

Затем последовала странная сцена, больше похожая на фарс. Граф Кент сказал Флетчеру, чтобы тот начал читать молитвы, но при первых же словах декана Мария стала громко молиться на латыни, подняв распятие к глазам.

Никто не хотел уступать: рыцари и дворяне, собравшиеся в зале, присоединились к Флетчеру и вслед за ним повторяли слова молитв, а Мария и шесть ее слуг старались перекричать их. Наконец королева, обливаясь слезами, соскользнула со скамеечки и опустилась на колени, но не сдалась.

Даже после того, как Флетчер умолк, Мария продолжила молиться, теперь по-английски, чтобы вызвать еще большее замешательство. Она молилась за церковь, за прекращение религиозных распрей, за то, чтобы ее сын, двадцатилетний король Шотландии Яков VI, которого враги воспитали как протестанта, обратился в истинную католическую веру. Она молилась за долгое и счастливое царствование Елизаветы, угодное Богу. Она призналась, что надеется на спасение «благодаря крови Христовой, у подножия креста которого она прольет свою кровь». В заключение она просила святых помолиться за ее душу и обратилась к Богу, чтобы Он не оставил своими милостями и избавил от напастей «этот глупый остров».

Для графа Кента, фанатичного протестанта, эти слова прозвучали оскорбительно. «Мадам, — сказал он, — храните Иисуса Христа в своем сердце и оставьте эти папистские фокусы». Но Мария проигнорировала его замечание. Закончив молитву, она поцеловала распятие и перекрестилась — жестом, принятым у католиков¹.

¹ В католичестве крестное знамение исполняется движением руки слева направо. — *Прим. ред.*

Это был по большей части спектакль. Мария никогда не была столь непримиримой католичкой, которой теперь представила себя миру. Политика всегда была для нее важнее религии. Как правитель Шотландии она разумно приняла компромисс, основанный на религиозном *status quo* и влиянии официального протестантского реформирования. Лишь после заточения в Англии она стала выставлять себя несчастной католичкой, пострадавшей только за веру. Произошедшее в большом зале замка Фотерингей было искусно разыгранным спектаклем, и эта тактика оказалась успешной. Унизив Флетчера, Мария одержала пропагандистскую победу, которая прогремела по всей католической Европе.

Удовлетворенная произведенным впечатлением королева спокойно повернулась к Быку, который смиренно преклонил перед нею колена и попросил прощения. «Прощаю Вас от всего сердца, ибо надеюсь, что Вы положите конец всем моим страданиям», — сказала она.

Палачи помогли камеристкам Марии раздеть ее — она осталась в одной нижней юбке. Когда они расстегивали пуговицы на ее платье, она широко улыбнулась и пошутила, что «ее никогда не раздевали такие горничные» и что «ей еще не приходилось снимать одежду при таком скоплении народа».

Она положила распятие и молитвенник на скамейку, а один из палачей снял с ее шеи медальон — по традиции личные вещи казненного принадлежали ему. Но Мария возразила, сказав, что предпочла бы отдать их слугам, а палач получит денежную компенсацию.

Когда с Марии сняли покрывало и черное платье, по залу разнесся приглушенный вздох изумления. Нижняя юбка была из рыжевато-красного бархата, а лиф — из шелка того же цвета. Одна из камеристок подала ей темно-красные перчатки, которые королева тут же натянула на руки. Произошла настоящая метаморфоза.

Несколько минут Мария стояла неподвижно, в одеянии цвета засохшей крови: это литургический цвет мученичества в Римско-католической церкви. Эта картина была настолько вызывающей, настолько оскорбительной для дворян, что

в отчете для Тайного совета о ней не сказано ни слова. Инцидент сохранился в истории благодаря французскому документу того времени, основанному на рассказах слуг Марии, подтвержденных двумя независимыми английскими источниками, в том числе письмом слуги Шрусбери другу — никаких причин лгать у него не было.

Мария поцеловала камеристок, которые не удержались и зарыдали. «*Ne criez vous, —* обратилась она к ним по-французски, — *j'ai promis pour vous*». Или, как рассказывал один из свидетелей: «Пожалуйста, не плачьте, я ведь поручилась за вас. Не плачьте, а радуйтесь».

Мария благословила женщин и повернулась к Мелвиллу и другим слугам, все громко плакали и непрерывно крестились. Она прочла краткую молитву на латыни, благословила их, попрощалась и попросила вспоминать ее в своих молитвах.

Затем Мария «со всей решимостью» опустила на колени на подушку, а Джейн Кеннеди завязала ей глаза белым платком с золотой вышивкой, который королева сама выбрала минувшей ночью. Джейн поцеловала платок, сложила треугольником, закрыла им лицо Марии и прикрепила к чепцу. После чего две камеристки сошли с помоста.

Стоя на коленях, Мария декламировала на латыни псалом *In te Domino confido*, «На тебя, Господи, уповаю». Потом она нащупала плаху и положила на нее голову, уперев подбородок в ладони; если бы один из палачей не убрал ее руки, их отрубили бы вместе с головой. Мария вытянула руки и ноги и воскликнула: *In manus tuas, Domine, commendo spiritum meum*, «В руки твои, Господи, вручаю свою душу». Она повторила эти слова три или четыре раза, пока палач не нанес последний удар; помощник удерживал ее тело.

Но палач не справился. Голову следовало отсечь одним ударом, но напряжение было так велико, что не выдержал даже самый опытный палач Англии. Первый удар оказался неточным — он пришелся не на шею, а на узел платка на затылке. По словам одного из свидетелей, Мария издала «очень тихий стон», согласно словам другого — громко крикнула: «Господи Иисусе, прими мою душу». Второй удар разрубил шею, но не до конца,

и палач был вынужден отрезать оставшиеся жилы, используя топор, словно нож. Наконец он поднял отрубленную голову и крикнул: «Боже, храни королеву!» Присутствующие в зале изумленно охнули — губы Марии шевелились, словно продолжая молиться; они конвульсивно дергались еще четверть часа.

Но и это был еще не конец. Когда палач поднял отрубленную голову, рыжие локоны Марии и белый чепец отделились от черепа. Иллюзия царственного величия исчезла. У палача в руках остался клочок волос, а голова упала на пол и, словно футбольный мяч после неудачного удара, покатила к зрителям, «седая и почти лысая».

Внезапно все стало ясно. Королева Шотландии носила парик. Присутствующие словно онемели. И только граф Шрусбери не выдержал и разрыдался.

Когда палач поднял голову, доктор Флетчер пришел в себя. «Так погибнут все враги королевы!» — провозгласил он. Его поддержал граф Кент, стоявший над телом: «Таков будет конец всех врагов королевы и врагов Веры!» Но это был ужасный финал, душераздирающий катарсис. Даже в театрах Лондона, где снова вошли в моду пьесы о мести и трагедии, никто не видел ничего подобного.

Убитых горем слуг Марии вывели из зала и заперли в комнатах. Палачи раздевали труп, когда один из них увидел, что любимая собачка королевы, скайтерьер, пробралась на помост, спрятавшись под нижней юбкой хозяйки. Обнаруженная, она принялась с воем бегать вокруг тела, а затем улеглась посреди лужи крови между отрубленной головой и плечами Марии. Поскольку успокоить собачку не удавалось, ее насильно унесли, вымыли, однако с тех пор она отказывалась от еды. Одна из служанок Марии утверждала, что вскоре животное умерло, но однозначного подтверждения этих слов у нас нет.

После полудня черную ткань, которой был обтянут помост, плаху, подушку, одежду и украшения Марии, все, что было испачкано кровью, по приказу графов сожгли в открытом очаге, чтобы не осталось никаких материальных свидетельств «мученической смерти за веру», чем стремилась представить свою казнь королева. Они тщательно проследили, чтобы ее вещи не

могли оказаться у ее приверженцев из числа католиков. В большом зале все еще оставались рыцари и дворяне, наблюдавшие за всеми действиями, и поэтому, когда графы писали официальный отчет о казни, эти люди поставили под документом свои подписи, выступив в качестве свидетелей.

Четвертый сын графа Шрусбери, Генри Толбот, был спешно отправлен в Лондон, чтобы в тот же вечер доставить отчет о казни Тайному совету. После его отъезда останки королевы погрузили на носилки и отнесли наверх для бальзамирования. Эшафот разобрали, и всех отправили по домам — за исключением шерифа, который должен был похоронить сердце и внутренние органы в тайном месте. Некоторые украшения Марии также были закопаны в глубоких подземельях замка, поскольку кольцо, подаренное ей вторым мужем, Генри, лордом Дарнли, при обручении, впоследствии было найдено в руинах замка и в 1887 г. выставлено в Питерборо.

Ни один человек, видевший Марию в ее последний день, не мог забыть ее смерти. Независимо от отношения к ней или веры в рассказы, которые оправдывают ее вынужденное отречение и казнь, в тот день совершилось цареубийство. Мария была коронованным монархом. Елизавета, будучи на протяжении тридцати лет суверенным правителем, стремилась, как и ее соперница, защитить идеал монархии: принцип, что правители отвечают только перед Богом. Она делала все возможное, чтобы предотвратить казнь Марии, пока не убедилась, что иного выхода нет, и затем переложила вину на других.

Елизавета все прекрасно понимала. Было очевидно, что смерть Марии навсегда изменит отношение к монархии на Британских островах. Цареубийство значительно усилит парламент, уничтожив «божественность, которая охраняет короля». Ее смерть поможет распространению теории народо-властия — убеждению, что источником политической власти является народ, а не правитель, — и идеи, что представителями народа являются те, кто избран в парламент. Именно эту идеологию использовали мятежные лорды в Шотландии, чтобы низложить Марию. Та же теория укоренится и здесь, и — что окажется еще более разрушительным — повторится во Фран-

ции через 250 лет после ее смерти, а в конце концов пересечет Атлантику, когда шотландец, доктор Уильям Смолл, будет преподавать этику и политическую теорию юному Томасу Джефферсону в колледже Вильгельма и Марии в Виргинии.

Почему королева Мария с ее многочисленными достоинствами — красивая и умная, общительная и практичная, неотразимая и полная жизни — оказалась скомпрометированной и низложенной? Одна из причин заключается в том, что у нее был непримиримый противник — Уильям Сесил, глава правительства Елизаветы и на протяжении сорока лет главный советник королевы. Он был заклятым врагом королевы Шотландии. И поскольку, в отличие от Елизаветы, Мария исповедовала католичество, а Сесил был одержим идеей превратить все Британские острова в единую протестантскую общину, в его политической структуре власти не оставалось места для независимости Шотландии. Отсюда и постоянные споры с шотландскими союзниками о степени главенства Англии. Елизавета делала все возможное, чтобы защитить идею «божественного права» монархии независимо от вероисповедания правителя, но Сесил был убежден, что парламент имеет право определять наследование трона, руководствуясь соображениями религии, а это означало, что династические притязания Марии должны быть отвергнуты любой ценой.

После своей смерти, как и при жизни, Мария вызывала сильные чувства. Для последователей она оказалась невинной жертвой: ею манипулировали, и ее оклеветали — она оказалась лишь пешкой в руках вероломной шотландской знати и честолюбивых французских и английских политиков, которые считали ее помехой на пути к осуществлению планов. Критиканы указывали на недостатки Марии, ее излишнюю приверженность эмоциям. Она правила по велению сердца и не руководствовалась разумом. Она была *femme fatale*: оболстительница, ловко манипулировавшая людьми, открыто демонстрировавшая свою сексуальность на балах и пирах, не считаясь с мнением других.

Враги Марии одержали победу. Для нас она осталась в истории не как обаятельный молодой правитель, наслаждавшийся властью и на какое-то время сумевший объединить раздроблен-

ную страну, а скорее как человек, которого больше заботили ее драгоценности и домашние любимцы. В одном из описаний ее казни с осуждением отмечается, что она «выказала навыки чрезвычайно искусной актрисы». Но в XVI в. театральность была очень важна для демонстрации власти, и характер Марии проявился здесь больше, чем предполагает это циничное утверждение.

В этой книге предпринята попытка выяснить всю правду о Марии Стюарт или хотя бы приблизиться к ней, насколько это возможно: показать не только собрание стереотипов или удобных и искусно соединенных мифов, а рассказать о судьбе женщины-правительницы, выбор и решения которой были последовательными и очень логичными. Цель определяет и сам метод: описать жизнь Марии и рассказать ее историю, подтверждая ее документально, а не опираться на общеизвестные издания или отредактированные фрагменты, которые зачастую предназначены для того, чтобы увековечить мифы, а не развеять их. Возможно, вас удивит, что сохранилось огромное количество этих документов — в архивах и научных библиотеках Эдинбурга, Парижа, Лондона, в домах старинных английских аристократов и даже в Вашингтоне и Лос-Анджелесе. Некоторые из них историки не открывали с 1840 г. Многие не подвергались внимательному изучению с 1890-х гг., например нерасшифрованные рукописные копии двух знаменитых «писем из ларца».

Наша цель — рассказать о жизни Марии, по возможности предоставляя слово ей самой, а также понять, почему рассказы других людей о событиях того времени зачастую так сильно расходятся с ее точкой зрения. Только после этого появится возможность должным образом разобраться в несметном количестве фактов, объяснить и понять последовательность событий, пролить свет на бурную жизнь королевы.